

Лидия ТАРАСОВА*г. Якутск*

СКАЗКИ ДОЧЕРИ ОРНИТОЛОГА

Песня совы

Раз в год. Зимой. В самую морозную ночь. Когда заяц зарывается по уши в свой схрон, а выюга белой нитью подшивает подол неба к краю земли, наступает время совиных песен. Все лесные птицы и звери замолкают до восхода солнца. Одна лишь старуха сова, распушив оперенье, то громче, то тише, будто оживший бубен шамана, задает ритм той ночи. Повинуясь ему, обитатели верхних и нижних миров оборачиваются серебристыми оленями, бурыми медведями да чёрными тетеревами, чтоб попасть на землю, снова ощутить свежий ветер, белый упругий наст и этот шаманский ритм — дыхание жизни. «Та-ка-така-там!» — отбивает в такт ногой хозяйка леса. Она распускает один за другим снежные стежки да внимательно следит, чтоб все, кто пришел на зов совы, к утру нашли дорогу назад. Не место им среди живых. Така-така-там...



Лесные сны

Есть на свете такие края, где зимой дни и ночи одного цвета. Будто бы ночь обретает там свою вечность. И всё живое замирает. И даже лес уходит с головой под одеяло смотреть разноцветные сны. В глубине этих снов распускаются первые весенние цветы, соком наливаются луговые травы и спеет на кустах голубица.

Тихо-тихо бежит по снегу мышь — не потревожить бы. Тихо-тихо крадется за ней по сугробам лиса — не побеспокоить бы. Тихо-тихо хватается на лету добычу сова — не разбудить бы. Дыхание леса легкое и спокойное. «Бу-туп-бу-туп-бу-туп...» — бьётся его сердце.

Но вот что-то меняется. Стонет и мечется во сне лес. Там, где только что росла голубица, лютует пламя. Словно свирепый шатун, набросился красный петух. Рвет он и кусает, дотла обгладывает деревья, мёртвой хваткой вцепился в горло едкий дым.

Раненым зайцем кричит лес. Загнанным волком рычит лес. Угодившим в капкан медведем ревет лес.

«Тш-ш-ш...» — говорит тогда лесная хозяйка, проводя ладонью по мохнатой сосновой морде. Она достаёт из кармана луну и вешает её на небо. «А-а-о-о-ум...» — затягивают лунную мантру волки, и волшебные звуки её гонят прочь дурные сны.

Ведь даже если ночь вечна, в кошмарах нет никакой правды.



Вкус слова

На том конце света, где мир ещё юн, а ночь темнокожа, босоногая белая женщина каждый вечер выходит кормить океан. «Цып-цып!..» — словно кур, подзывает она к себе волны, рассыпая по берегу золотые зернышки слов. И океан, как ручной, следует за ней по пятам, хватая слова на лету. Проглатывает целиком самоцветные истории, что щедрыми горстями летят из полинявшей тряпичной сумки в самое сердце, а после искрятся в темноте на волнах мириадами светлячков да напевают о том, чего не было и быть не могло.

Но однажды сумка пропала. Унес ли её ветер, утащили ли обезьяны или, может, сам океан — неизвестно. Когда все слова закончились, наступила тишина: застелила собой берег, деревушку, весь этот мир. И каждый услышал в ней то, что должен был.

А на рассвете солнце разожгло огонь в небесах, сумка лежала на месте, как и всегда до краёв полна историй. Говорят, лишь познав тишины, можно почувствовать настоящий вкус слова.

Песня природы

Мать-природа поёт на разные голоса. По весне заводит мотив, что пробуждает древние силы после долгой зимней спячки. Мелкими толчками отвечают они на призыв. Громче и яростнее! «Проснись! Оживи! Лети!» — будоражит криком возвращающихся в родные края уток. «Оживи! Пробудись! Беги!» — капелью звенит прямо над ухом. И, вскрывая оковы льда, обнажив нежное полноводное тело, вырывается на свободу река.

«У-у-гу-уй!» — воем подхватывает она тот мотив, устремляясь вперёд, вверх, подгоняя ветряным хлыстом отару сонных ледяных глыб. Лдины испуганно толкаются, натыкаются друг на друга и с рёвом разбегаются за берега. «Эгей!» — лихая удаль закипает в жилах, одним махом снося поселения, ломая, как тростинки, вековые деревья, унося их прочь. Так и до беды недалеко.

Но погоди-ка! Вот мотив меняется — звучит мягче и протяжней, будто кто-то вдалеке заиграл на флейте. Оборачивается река, прислушивается. Тёплое весеннее солнце материнской рукой собирает разметавшиеся по её плечам ветра, заплетает в тугую косу. Подбирает тогда река юбки да послушно направляется в своё русло. Под тихую песню природы вновь обретая покой и прежние очертания. Не зря говорят: «Бессмысленна та сила, которой нет контроля».



Сказки старой Нэ

«Солнце в твоей груди светит ярче того, которое скрылось недавно за горизонтом», — говорит старая Нэ, укуывая Мю теплой шкурой.

Нэ всегда говорит загадками. Например, что настоящие горы в голове у Мю. Но Мю такая маленькая, а горы такие большие. Как они могут быть в ней?

Нэ берет Мю за лапу и обещает поделиться чем-то важным, когда придёт время. Мю надеется, что лепешками с ягодами ши и хорошо бы то самое время пришло завтра к обеду. Нэ смеётся, а морщины на её морде танцуют в такт с беззубым ртом. Мю не понимает, только сладкий сон уже пристроился на её левом ухе.

Нэ садится ближе к огню, достаёт из-за пазухи вязальные палочки и набирает первые петли. Песня рождается сама собой: о море — далёком, неведомом, темно-синем. Где-то в море живёт человек. Он ловит рыбу и кормит ей сыновей. Однажды море заберет его насовсем. Но это потом, а пока песня ещё звучит, рыба попадает в сети.

Нэ кутает задние лапы в свой поседевший хвост. Ночь нынче холодна. До рассвета надо успеть связать полотно судьбы так, как задумал творец. Главное — не перепутать петли.



Судьба шамана

Солнце заходит на востоке. Шаман делает первый вдох, открывает глаза. Три шаманских глаза видели жизнь, видели смерть, видели жизнь после смерти. И только танец заходящего солнца любит он больше всего. Мог бы шаман выбирать свою судьбу, стал бы травинкой в поле, слушал бы ветер, пел с ним песни. Мог бы шаман выбирать свои сны, видел бы степи бескрайние глазами парящей птицы, вкушал бы море солёное жабрами плывущей рыбы, касался бы края алеющего неба ветвями зеленого дерева. Была б его воля, лег бы на землю, пустил корни и вырос бы шаман-травой, шаман-древом. Да быть шаманом — значит не принадлежать самому себе. Солнце зашло. Шаман закрывает глаза, делает выдох и погружается в ночь. Такова судьба шамана.



Белый сон

Взакоулках августа под сонное бормотание предзакатного солнца рождается новая осень. Ловкая, как белка, прыгает она с ветки на ветку, с дерева на дерево, цепляется за пушистый хвост пролетавшего мимо брата-ветра и взлетает в небо. Там, притворившись уткой, прибивается в клин перелётных птиц да, заслушавшись их песнями, тихонько барабанит в такт по крышам: «Там-там-там-така-там-там-там...»

Старый тунгус, услышав эту песню, ставит воду на огонь, толчет в берестяной ступе горькие травы и кислые ягоды. А когда на его порог ступает долгожданная гостья, он протягивает ей ещё дымящийся отвар и молча кивает — «пей». Гостья делает глоток — и первая седина гусиным пером ложится на ее виски.

Старик стелет ей медвежью шкуру, а сам устраивается возле огня, закуривает трубку и заводит древнюю как мир сказку. Тонкой нитью вплетается в сказ слово за словом, история за историей, судьба за судьбой, неводом затягивая в глубины крепкого, терпкого белого сна.

Засыпай, чтобы снова проснуться. Умирай, чтобы снова родиться. Всему есть своё время.

Забывшая торбаса

Всердце леса темно и прохладно. Сюда приходят звери в поисках последнего сна. Здесь собираются лесные духи перед долгой зимой. Туда бежит девчонка — босыми пятками по сизому мху, прыжком — через овраг да напролом сквозь колючий шиповник.

Дерево-брат шелестит листвой. Жизнь течёт по спирали в его могучем стволе: виток за витком, кольцо за кольцом и так до самой бесконечности. Рядом с ним ты всего лишь потерявшийся весенний медвежонок, выпавший из гнезда птенец-кукушонок, ты всего лишь девчонка, забывшая торбаса.

— Сколько тебе лет?

— Семь-десять или больше...

— Поторопилась, голубица ещё не поспела. Наступит осень, тогда приходи. Так уж и быть, покажу тебе вечность.

И где-то сквозь сон: «Эй, да торбаса не забудь!»

Людия Андреевна ТАРАСОВА (ДЕГТЯРЕВА)

родилась в Якутске.

Выросла в семье орнитолога.

Окончила медицинский институт ЯГУ.

*Кандидат медицинских наук, врач-бактериолог,
доцент кафедры гистологии и микробиологии СВФУ.*

Пишет стихи, прозу.

В соцсети ведет авторскую страницу

«Сказки дочери орнитолога».

В 2018 г. издан сборник миниатюр

«Сказки леса» в форме открыток.

Лауреат конкурса «Северная звезда-2018» в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

